

ФРИДРИХ
ВЕЛИКИЙ

АНТИ-МАКИАВЕЛЛИ

ЗАПИСКИ О РОССИИ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2023

УДК 94(3)
ББК 63.3(3)
В 27

Великий Фридрих (Гогенцоллерн)

В 27 Анти-Макиавелли. Записки о России. – М.: Родина, 2023. – 224 с.: илл. – (Сила мысли).

ISBN 978-5-00180-974-6

Фридрих Великий (1712 – 1786), король Пруссии, был всесторонне одаренной личностью – государственным деятелем, полководцем, философом, архитектором, писателем. «Хорошо работающее правительство должно представлять столь же прочно связанную систему, как система понятий в философии. Все его решения следует хорошо обосновывать; хозяйственная, внешняя и военная политика должны способствовать единой цели – консолидации власти государства и увеличению его мощи», – писал Фридрих.

Он был категорически не согласен с принципами, провозглашенными Н. Макиавелли в его знаменитом трактате «Государь». Хитрость, коварство, лживость, вероломство, жестокость, которые, по мнению Макиавелли, обязательны для успешного правления, Фридрих считал низкими качествами, лишь вредящими государю. В своей книге «Анти-Макиавелли» он пишет, каким должен быть правитель, чтобы заслужить подлинное уважение своих подданных и не быть презираемым ими.

В данном издании приводятся также, впервые с современным правописанием, «Записки о России» Фридриха, где он оценивает русскую внешнюю и внутреннюю политику первой половины XVIII века.

УДК 94(3)
ББК 63.3(3)

ISBN 978-5-00180-974-6

© ООО «Издательство Родина», 2023

Оглавление

Вместо предисловия. Из бесед Генриха де Катта с Фридрихом Великим	6
Анти-Макиавелли, или Критическое рассуждение о «Государе» Макиавелли	18
Записки Фридриха Великого о России в первой половине XVIII века	116
Приложение. <i>Никколо Макиавелли</i> . Государь	141

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ИЗ БЕСЕД ГЕНРИХА ДЕ КАТТА С ФРИДРИХОМ ВЕЛИКИМ

Генрих де Катт двадцать четыре года состоял при особе короля Фридриха.

Катт был швейцарец. Знакомство его с королем произошло так: он отправился в Утрехт оканчивать курс под руководством тогда знаменитого профессора Весселинга. Однажды, возвращаясь с какой-то экскурсии, он сел на корабль. Каюта в нем была занята каким-то господином, выдававшим себя за первого музыканта польского короля. Незнакомый заметил Катта:

— Как вас зовут, — послушайте? — крикнул он Катту. — Войдите сюда. Здесь вам будет удобнее.

Катт послушался, и неизвестный вступил с ним в беседу о политике, о философии, о религии. Так доехали они до Утрехта, где неизвестный распрощался с швейцарцем.

— Прощайте, — сказал он, — надеюсь увидеться с вами. В городе я наведу о вас справки. Впрочем, если вам не противно отужинать со мной в гостиннице, вы очень бы одолжили меня, проведя со мной еще некоторое время. Я вас долго не задержу, так как я намерен уехать ночью.

Катт отказался от приглашения. На следующий день он узнал, что этот мнимый первый музыкант польского короля, «столь просвещенный, столь решительный, столь живой и упрямый», был не кто иной, как прусский король, который, прикрываясь любимым им инкогнито, путешествовал по Голландии.

Шесть недель спустя, он получил письмо из Потсдама. Катт понравился Фридриху, и Фридрих предлагал ему служить при нем. Катт, по болезни, не мог отправиться. Но, среди трудов и тревог войны, король не забыл о молодом человеке, встреченном в Голландии. Он повторил свое предложение, и спустя два года Катт приехал в Бреславль.

Весной 1758 года, Катт был назначен «лектором» и личным секретарем короля, и с тех пор состоял при нем безотлучно в самые тяжкие годы Семилетней войны. Почти каждый день, около 5 часов по полудни, он находился у короля; даже перед крупными военными решениями не прерывались эти литературные занятия. Пробыв до 10 часов вечера при короле, Катт затем до полночи записывал свои беседы. С помощью таких записей Катт спустя несколько лет и составил свои мемуары.

С первого же дня свидания Катт был посвящен в интимную жизнь короля. Последний, зная, как придворные и приближенные его будут стараться сблизиться с «чтецом», снабдил его советами на счет скромности и скрытности, а также обрисовал всех, с кем ему приходилось вступать в близкие сношения.

О собственном образе жизни король сказал: «Во время кампании, я встаю в 3 часа утра, иногда и раньше. Признаюсь, мне тяжело вставать так рано, я бы охотно полежал еще на постели — до того я утомляюсь; но дела не терпят. Моему камердинеру приказано будить меня и не давать засыпать. Вставши, я сам прибираю свои волосы, одеваюсь, выпиваю чашку кофе, и прочитываю депеши.

Прочитав их, я играю на флейте час, иногда и больше, обдумывая свои письма и ответы, какие следует написать; являются затем мои секретари. Я говорю им, что надо написать. Сделав это, я занимаюсь чтением моих любимых книг, редко новых, до парада. Еще некоторое время я читаю до обеда, назначенного ровно в полдень.

Со мной обедают несколько генералов и в настоящее время прелат здешнего монастыря (Грюссау). Этот господин за-

бавляет меня своей глупостью. Весь обед я потешаюсь над ним. После обеда я играю на флейте для пищеварения, подписываю свои письма и опять читаю до 4 часов».

В это время Катт должен был являться к королю и беседовать с ним до шести часов, когда «начинался его концерт, длившийся до 7½ часов. После концерта я (король) безжалостно мараю бумагу прозой и стихами до 9 часов, когда отправляюсь в объятия Морфея».

В мирное время этот образ жизни короля менялся. «В 7 часов я встаю; пока одеваюсь, прочитываю письма, — рассказывал Фридрих, — это длится до 9 часов. Потом я или верхом, или пешком гуляю до 11 часов. Этой прогулкой я пользуюсь, чтобы обдумывать свои мысли, не желая следовать первым впечатлениям. С 11 до 12 часов я диктую. Потом выслушиваю доклады и дважды в неделю отчет по финансовым делам. В час обедаю. Это продолжается до двух с половиною часов. Потом гуляю, причем, весьма нередко занимаюсь государственными делами. В 5 часов я читаю, в 7 — занимаюсь музыкою, в 9 ужинаю с приятелями, и тут мы проводим время весело».

* * *

По свидетельству Катта, Фридрих нисколько не обольщался величием своей воли, философски углублялся в себя при всяком случае, крупном и незначительном. Следующий случай рассказывает Катт, со слов короля:

«Я составил себе небольшой словарь вопросов, какие я мог бы сделать при случае в Богемии. Гордый своим знанием и своим словарем, я смело подзываю первого встречного крестьянина и смело задаю ему вопрос о местной почве. Крестьянин слушает меня и, будучи более философом, нежели я, отвечает мне с видом боязни и скромности. Тогда я, простофиля, вытаращиваю глаза, и замечаю, что недостаточно было задать вопрос, что надо еще уразуметь ответ, а чтоб уразуметь это, надо знать хорошо язык. Согласитесь, что такое простофильство непростительно взрослому школьни-

ку, а мы нередко кичимся своим большим умом. Это маленькое приключение и еще несколько других убедили меня, что приниженность — добродетель, а самонадеянность — глупая вещь».

Приведенные факты переданы так безыскусственно, что подозрение в каких-либо прикрасах, обыкновенно разбавляющих документальность мемуаров, здесь не может иметь места. Не обо всех случаях, рассказываемых Каттом, это, однако, следует сказать. Любопытен в особенности следующий пример неточности.

Катт рассказывает, как накануне Цорндорфской битвы, когда решено было сражение на следующий день, король позвал «чтеца» в 9 часов. «Чтец» застал короля в небольшом помещении мельницы за исправлением стихов оды Руссо. Когда Катт выразил удивление королю в том, что он накануне столь важного события находит досуг сочинять стихи, король возразил: «Что же особенного теперь может случиться? Почему я не могу сегодня развлекаться как всегда? Целый день я измучился за делом, взвесил его со всех сторон. Решение мое остается неизменным. План составлен. Полагаю, что мне, как и другим, позволительно кропать рифмы».

Беседа затем была прервана явившимися генералами для обсуждения диспозиций к предстоящему наступлению. Через полчаса король опять возобновил свою беседу с Каттом с того пункта, на котором был прерван. «По-прежнему король исправлял стихи Руссо по «Аталии» Расина».

Сцена эта, без сомнения, эффектна и вызывает в читателе удивление, но в действительности она происходила не накануне Цорндорфской битвы и вообще перекалывание стихов Руссо и Расина имело место не в один и тот же день. Такая произвольная перетасовка фактов, однако, не лишает мемуаров их высокого интереса.

* * *

Фридрих читал Бэкона, Цезаря, Тацита, Плутарха, но в особенности любимым писателем его был Расин. «Однаж-

ды, — рассказывает Катт, — он возвысил голос и стал наизусть декламировать отрывки из Расина — их он знал немало. Новый камердинер, знавший хорошо пофранцузски, полагая, что его зовут, несколько раз прерывал короля, который, не изменив декламаторского тона, посылает его ко всем чертям.

«Да-с, сударь, — сказал камердинер Катту, когда тот вышел от короля. — Я очень испугался, я так думал, что государь рехнулся. Если так продлится, немудрено, что он кончит плохо. Ведь как он прохаживался, как кричал»».

За исключением Расина, все, что читал король, из чего делал извлечения, по прошествии нескольких лет, казалось ему необычайно скучным. «Что касается сочинений по философии и метафизике, то чем более я их перечитываю, тем более я замечаю противоречий и неясностей. Эти господа метафизики в своих сочинениях подобны китайцам, когда те едят вместе. После некоторого молчания, один из обедающих произносит: *оп, hi*. Другой вдали отвечает: *âh, ô*. «Что это значит?» — спрашивают их. «О, мы понимаем друг друга, и только немногие могут это понимать». Так-то и в метафизике есть *оп, hi, âh, ô*, столь же непонятные, как *âh, ô, оп, hi* китайцев».

Характерен отзыв Фридриха Великого о Вольтере, высказанный по поводу прочитанной им истории «Карла XII». «Вольтер возвышает Карла XII до небес и низвергает Петра I в глубь пропасти. Он не прав в таком суждении. Будьте уверены, что если бы русский двор дал этому мошеннику несколько тысяч рублей, чтобы возвысить Петра над его соперником, он бы написал, что Петр — генерал, а Карл XII — дерзкий капрал. И затем Вольтеру ли оценивать военные таланты, ему ли, который не имеет ни малейшего понятия о нашей профессии. Он умеет только насмехаться. Изучив точно все операции Карла XII, обдумав их зрело, я считаю его более деятельным, нежели рассудительным, более энергичным, чем ловким, смелым, блестящим. Его первые три компании удивительны. Он нападает на Копенгаген, освобождает Голь-